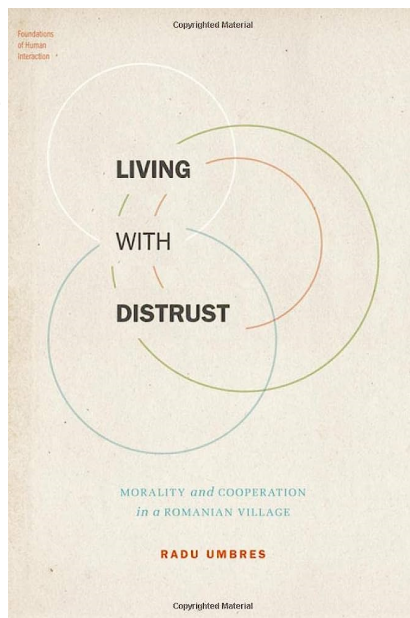

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/42/15

Недоверие в румынской деревне

Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p.
ISBN: 978-0190869908

Для цитирования: Захарова А.Л. Недоверие в румынской деревне (Рец. на: Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p. ISBN: 978-0190869908) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 308–317. doi: 10.17223/2312461X/42/15

For citation: Zakharova A.L. (2023) Distrust in a Romanian Village (Review of Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p. ISBN: 978-0190869908). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 308–317 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/15

В русскоязычной социальной науке в последние годы исследователи достаточно часто обращаются к концепции социальной атомизации. Так, социальные ученые говорят об «атомизированной ситуации девяностых» (см., например (Клеман 2021: 216)) и о том, как атомизированность характеризует современное социальное пространство России.

В частности, такие явления, как общее недоверие и стремление к личной автономии, исследователи связывают с распространением (микро)кредитных операций (Жизнь в долг... 2020) и деполитизацией (см., например (Ishchenko, Zhuravlev 2022)).

Идея социальной атомизации постепенно распространяется за пределы академического дискурса, превращаясь в объяснительную (почти универсальную) модель различных социальных явлений. Одновременно с этим атомизация сама по себе – это социальный феномен, нуждающийся в доказательном обосновании и осмыслении. Ответу на фундаментальный вопрос, почему люди не доверяют друг другу, посвящена книга румынского антрополога Раду Умбреша «Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village», опубликованная в марте 2022 г. издательством Oxford University Press. На материалах длившегося несколько лет включенного наблюдения в румынской деревне Сэтени (Săteni) с населением около тысячи человек автор анализирует механизмы воспроизводства социальной структуры сообщества и циркулирующие моральные ожидания, пытается понять, почему жители деревни не доверяют друг другу и избегают коллективных действий, наставляя Умбреша: «Из румын вообще никому не доверяй» (р. 7).

В основу кольцевой композиции книги Умбреш помещает случай, когда в ходе начавшейся в 1989 г. деколлективизации жители деревни растаскивают на части колхозные помещения для скота. Автор недоумевает, почему вместо объединения на новых условиях румынские крестьяне выбирают технологически и экономически менее продуктивный способ производства, основанный на индивидуальном семейном хозяйстве. Суть, казалось бы, нерационального выбора в пользу краткосрочного равного распределения ресурсов против долгосрочной кооперации антрополог видит в низком уровне доверия, причины и видимые проявления которого он анализирует на следующих двух сотнях страниц.

Книга состоит из пролога, введения и семи глав, посвященных отдельным сферам жизни в их связи с институтом репутации и ожиданиями (не)доверия: взаимодействию в публичном пространстве таверн; домохозяйству; родству; особенностям брачных и похоронных ритуалов; местной политике; предпринимательству. Само по себе это разнообразие тем и сюжетов кажется несколько неожиданным для современных исследований, напоминая скорее холистические работы этнографов прошлого. Однако Умбреш ставит перед собой настолько амбициозную задачу – исследовать причинно-следственные механизмы недоверия, – что ее реализация, если она в принципе возможна, действительно

подразумевает масштабную работу, охватывающую различные жизненные сферы и коллективные практики¹.

С анализа поведения жителей в маскулинном пространстве местных таверн автор начинает разговор о репутации, продолжающийся на протяжении всей книги. Опираясь на идеи Ирвинга Гофмана, Умбреш рассматривает местные таверны как площадки социальной драматургии, в которых жители тщательно следят за своим поведением и всегда интерпретируют слова, недомолвки и жесты других людей. Согласно автору, сталкиваясь с неопределенностью взаимодействий (которая, к слову, кажется несколько удивительной в условиях не слишком большой по размеру деревни, где все должны так или иначе иметь представление друг о друге), сельские жители обращаются к «гиперактивному распознаванию агентности» (*hyperactive agency detection* – термин психолога Джастина Барретта). По мысли антрополога, в условиях, когда жители непрерывно оценивают друг друга как потенциальных союзников или врагов, решающее значение имеет репутация. Именно репутация влияет на (не)включение каждого человека в социальные взаимодействия в соответствии с «договорной моралью», основанной на представлениях о справедливости и взаимной выгоде в сообществе, члены которого придерживаются «народно-гоббсианской точки зрения» (*folk-Hobbesian perspective*), предполагающей «войну всех против всех» (p. 39).

В основе социальной организации Сэтени, как показывает автор, лежит проявляющийся в том числе в конструкции дома «дуализм внутри и снаружи» – страх перед опасностью и изощренная культура секретности во внешнем гоббсианском мире (мире деревни) и безопасное интимное пространство семьи, члены которой связаны друг с другом отношениями долгосрочных обязательств и доверия. Румынские крестьяне, согласно антропологу, стремятся к автаркии, что, по его мнению, связано с долгосрочной стратегией выживания. В знаменитой работе «*The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*» Джеймс Скотт стремится понять, в каких условиях становятся возможными крестьянские восстания, обращаясь к историческому и экологическому контексту места. Умбреш выстраивает свою аргументацию в схожем духе. С опорой на историю и экологию места он пытается определить истоки иного явления – социальной разобщенности. Среди причин, детерминировавших недоверие людей друг к другу, автор называет случившиеся в XX в. засухи и голод, дефициты и эпидемии, когда каждая семья была сама за себя и не могла рассчитывать на внешнюю

¹ Кроме того, на выбор анализируемых тем и используемых терминов из разных областей социального знания влияет, по всей видимости, и серия междисциплинарных исследований человеческой социальности («*Foundations Of Human Interaction*»), в которой издана книга.

поддержку. Фактором, усилившим степень этого недоверия, Умбреш считает произошедшую в Румынии в 1950-е гг. насильственную коллективизацию, заставившую крестьян искать неформальные способы использования коллективных ресурсов в личных целях, что якобы и стало причиной повышения бдительности и ограничения сотрудничества с самым надежным партнером – семьей. Мысль о том, что семья – более безопасное пространство, чем публичная сфера пусть и небольшой деревни, кажется тривиальной. Однако в следующей главе Умбреш доказывает, что ситуация не так проста.

Следуя за идеями Маршалла Салинса, Умбреш показывает, что родственность – это изменчивая категория: сэтенийцы «делают» себя родственниками, «держатся» за родственников или «перестают считать» друг друга родственниками (р. 69). В качестве ключевой характеристики родственных отношений Умбреш видит «моральную взаимность между родственниками, при которой должны учитываться интересы каждого, что приводит к справедливому распределению выгод и издержек» (р. 89). Таким образом, даже родство не является гарантией взаимного доверия. Как только родственные связи перестают быть взаимовыгодными, членов семьи может настичь «родственная амнезия» (р. 75); и наоборот, количество родственников может вырасти за счет браков и искусственного (ритуального) родства.

Следовательно, по логике Умбреша, родство и доверие – это во многом контекстуально обусловленные и динамичные феномены, доступные пересмотру. Доверия самого по себе, как и родства самого по себе не существует, есть лишь отношения, изменяющиеся в зависимости от конкретной истории взаимодействия. Автор задается вопросом, как может воспроизводиться общество, члены которого имеют только «частные моральные отношения» и находятся в противостоянии потенциально со всеми. Чтобы ответить на этот вопрос, Умбреш предлагает изучить «трансцендентную область морали» и обращается к анализу похоронных ритуалов, в конечном итоге придя к выводу, что и в погребальных космологиях выражается мораль, сосредоточенная на Эго и утверждающая приоритет поддержания хороших отношений с родственниками. Пространство кладбища в Сэтени поделено на частные участки, за которыми ухаживают конкретные семьи, а не коллектив; в похоронных же ритуалах важно сохранить, прежде всего, собственную репутацию и социальное лицо покойника, который может рассчитывать на социальную жизнь после физической смерти полагаясь прежде всего на родственников.

Вокруг частных моральных отношений – уже не между родственниками, но между разными жителями – организуются политическая и экономическая сферы жизни сэтенийцев. Умбреш анализирует политическую организацию румынской деревни и феномен предпринимательства (строительного бизнеса), где его интересуют прежде всего частные

«договоры о взаимной морали», в соответствии с которыми осуществляются взаимодействия. Согласно Умбрешу, политические интересы жителей деревни основаны не на политических взглядах самих по себе, но на личности конкретного политика и поддерживаемых им социальных отношениях. Местное управление Сэтени, как доказывает автор, организовано по принципу патримонии¹ и вновь не единой для всех, но персонализированной морали, которая, по мысли исследователя, и обеспечивает стабильность политической системы. Солидарность с тем или иным политиком может пересматриваться в результате личных моральных договоренностей, и даже коррумпированность чиновников воспринимается позитивно – как реализация общего стремления к индивидуальной прибыли, если в руки крестьян попадает большой кусок бюджетного пирога. Те же индивидуальные моральные договоренности руководят поведением сэтенийского экономического субъекта, для которого первостепенное значение имеет идея личной ответственности за результат транзакции и избирательности, гарантирующей взаимное доверие между предпринимателем и клиентом.

Переходя к ключевому аргументу книги, Умбреш подытоживает, что постоянная настороженность и социальная атомизация жителей Сэтени вызвана озабоченностью выживанием семьи. Согласно автору, щедрость и расположенность друг к другу возрастают, когда увеличивается объем ресурсов (например, когда в результате прорыва плотины местные водоемы начинают изобиловать рыбой). Однако румынские крестьяне, как утверждает Умбреш, часто сталкиваются с неопределенностью и не имеют общего врага, в противостоянии с которым они могли бы сплотиться. В результате взаимное недоверие и ориентация на частные семейные интересы, руководство индивидуальными моральными договоренностями являются не иррациональным поведением, но, напротив, разумной альтернативой, естественным, по мысли антрополога, выбором всех людей, которые оказались бы в тех же условиях (по всей видимости условиях материальной нестабильности).

Таким образом, можно сказать, что книга Умбреша выступает в роли апологии недоверия. Представленные как *homines esomici*, бдительные в отношении каждого жеста и слова соседа и наперед просчитывающие каждый свой шаг, румынские крестьяне описываются антропологом как сверхрациональные субъекты, имеющие полное основание не доверять друг другу. Причинами рационального недоверия, по Умбрешу, являются как конкретный исторический и экологический контекст, так и

¹ Под патримонией Умбреш понимает систему самоуправления, схожую с тем, как «достойный домохозяин управляет домашней сферой» (р. 149), т.е. принцип управления, при котором важную роль играют социальный статус управленца, личные связи и неформальные договоренности.

«ментальные механизмы и механизмы взаимодействия», определенные такими «общечеловеческими предрасположенностями», как реакция на неопределенность социального взаимодействия. Однако за исключением нескольких беглых ссылок на работы психологов Умбреш не вступает в диалог с идеями когнитивистов и не предоставляет внятного объяснения, какие именно связанные с доверием когнитивные процессы он имеет в виду. В результате суть их остается под вопросом, и наполненные мелькающими тут и там словами «mental» и «cognitive» рассуждения напоминают в большей степени допущения неоклассической экономики о «природе человека», естественной частью которой признается экономическое (стремящееся к личной выгоде) поведение (Юдин 2011).

Способ взаимодействия автора с научной литературой специфичен. Антрополог злоупотребляет непрозрачными ссылками на фамилии, оставляя вклад конкретной работы в свои рассуждения шарадой для скрупулезного читателя. Набор упоминаемых авторов – социологов, антропологов и психологов – эклектичен: от Карла Маркса до Ирвинга Гофмана, от Бронислава Малиновского до Клиффорда Гирца, от Джеймса Скотта до Виктора Тернера. Автор отдает предпочтение идеям классиков социальных наук, упоминание которых к тому же не всегда аргументировано, при этом игнорируется обширная литература по социологии доверия, казалось бы, более релевантная основной теме книги.

Что, собственно, подразумевается под доверием, Умбреш поясняет кратко. В самом начале антрополог характеризует доверие как «ожидание сотрудничества» (р. 15) и вновь обращается к осмыслению центрального понятия книги лишь в последней главе. Приводя непроясненную ссылку на книгу эволюционного психолога Паскаля Буайе, Умбреш пишет, что «доверие и недоверие – это культурные феномены, основанные на том, как работают умы и общество» (р. 197). Стоит заметить, что обе сделанные между делом попытки дать определение доверию не помогают раскрыть авторское понимание этого социального феномена. Здесь можно вспомнить, к примеру, три концепции доверия, описанные Расселлом Хардином, согласно которому, доверие – это когнитивная категория, существующая в форме моральных обязательств, психологической предрасположенности или динамики «инкапсулированных интересов» в ситуации зависимости от оценивания надежности того или иного лица (Hardin 2006: 17). Однако насколько понимание доверия Умбреша соответствует одной из этих концепций и соответствует ли – это вопрос, на который из текста ответить, как кажется, не представляется возможным.

Содержание второго наиболее часто используемого в книге понятия – «мораль» – также остается не проясненным и противоречивым. С одной стороны, Умбреш постоянно обращается к эпитету «моральный», характеризуя с его помощью взаимные обязательства между предпринимателем и клиентом и между родственниками (moral obligations, moral

commitments); общее решение разрушить помещения для скота (moral solution); «драматическое пространство» свадьбы (moral theater) и т.д. С другой стороны, важный для авторских построений тезис состоит в том, что универсальной морали в румынском сообществе не существует, но имеют место лишь персонализированные моральные контракты, которые заключают между собой жители. Однако в сообществе, где, как показывает Умбреш, такую большую роль играет репутация, казалось бы, все же должны существовать некоторые разделяемые всеми членами сообщества социальные нормы и представления о морально (не)одобряемых действиях. Так или иначе автор не уделяет достаточно внимания прозрачности используемых им понятий и концепций, оставляя читателя в некотором замешательстве.

Необходимо вновь сказать и о разнообразии материала, анализируемого Умбрешем. Ведомый автором, читатель проносится по разным сферам жизни румынских крестьян, как по комнатам, наполненным вещами, на которые тут и там его призывают обратить внимание. В конечном итоге автору удастся связать между собой, казалось бы, далекие явления, сшивая свой анализ нитью «социального распределения доверия и недоверия». Однако набор посещаемых комнат при подобном подходе может быть, как кажется, любым. Почему в таком случае выбраны именно эти жизненные сферы, а не иные?

Вероятно, автору хотелось написать большую книгу, которая бы охватывала все интригующие его фрагменты социальной реальности конкретного сообщества и этнографически ярко их описывала (чего, впрочем, удалось достичь). Тем не менее отсутствие более строгой сфокусированности на конкретной сфере жизни или на более узком вопросе видится мне в данном случае некоторой проблемой. За время чтения у меня не раз появлялся вопрос: «Как это связано с (не)доверием?» К примеру, погрузившись в этнографическое описание сэтенийских свадеб, рассматриваемых автором в классическом ключе – как обряды перехода, с вниманием к свадебным причитаниям, подаркам и приглашению гостей, в середине главы я задумалась: «Как это связано с разрушением колхозных хлебов, главной интригой книги?» В конечном итоге автор связал свои рассуждения о приобретаемом с помощью брака родстве с проблемой (не)доверия, говоря о пересматриваемости отношений родства и о деньгах как о воплощениях моральных обязательств родственников, однако детали свадебных ритуалов, как кажется, остались лишь деталями, включенными в текст словно бы ради самих себя. Более того, складывалось ощущение, что некоторые представленные в книге рассуждения Умбреша уже приобрели в социальных науках статус здравого смысла – та же социальность и хрупкость отношений родства и социальная природа смерти словно бы и не нуждаются в подробном обосновании. В связи с чем многословные рассуждения антрополога на

обозначенные темы кажутся несколько избыточными, однако при этом ценными глубокой этнографией.

Показав, как доверие и недоверие взаимодействуют в некоторых выбранных сферах жизни, автор в конечном итоге находит корни взаимного недоверия румынских крестьян в пережитой ими «социальной травме» (р. 200) – периодах голода и борьбы за физическое выживание. Это, пожалуй, основной объяснительный аргумент книги, однако он же проблематичен. Если Джеймс Скотт, с оглядкой на которого Умбреш выстраивает свою аргументацию, обращается к специфическому контексту неплодородной для сельскохозяйственных культур местности Юго-Восточной Азии, где перед крестьянами остро и постоянно нависает угроза голодной смерти, то сталкивающаяся с периодами голода, временных неурожаев и эпидемий румынская деревня разделяет эти беды со многими другими крестьянскими сообществами, в частности и с деревнями Российской империи и Советского Союза, также пережившими насильственную коллективизацию. Своим тезисом о рациональном недоверии текст Умбреша напоминает размышления Андрея Тютюнского, согласно которому, это же недоверие северно-русских крестьян друг другу, обусловленное прагматическими индивидуалистическими интересами, напротив, подталкивало их к коллективной работе: «...крестьяне выезжают на луг всей деревней не потому, что им приятнее вместе работать, а потому что если этого не сделать, то сосед обманет соседа...» (Тютюнский 2012: 275). Согласно Тютюнскому, соционормативные общинные практики русских крестьян помогали им выжить в суровых условиях окружающей среды и принудительного отчуждения части продукции государством (Тютюнский 2009). Так, может быть, в случае Сэтени, напротив, наличие каких-то условий позволяет румынам *не* кооперироваться? Или что именно отличает румынских крестьян, в неспецифических (как видится в книге) экономических и экологических условиях стремящихся к автаркии и активно избегающих коллективных действий?

Как представляется, при анализе современной румынской деревни не совсем корректно учитывать влияние на моральный порядок местного сообщества оставшейся в истории «диктатуры коммунизма», но не обращаться к анализу последствий более близкой по времени постсоциалистической трансформации и интеграции страны в Европейский союз. Автор упоминает о росте уровня жизни румын, связанном с перечисленными изменениями, однако характеризует этот рост как «далеко не впечатляющий» (р. 202) и больше не уделяет внимания этой теме. Тем не менее не только общая интуиция, но и некоторые представленные в книге детали намекают на то, что, возможно, продуктивно было бы задуматься о воздействии на жителей Сэтени неолиберальных установок: «Сильный прав, и каждый несет личную ответственность за свое

собственное благополучие <...>. Будьте осторожны и не ждите, что другие побеспокоятся о вас» (р. 162) – чем не кредо неолиберального мира?

Посвященная актуальной проблеме социальной атомизации книга Умбреша, таким образом, предоставляет в общем и целом понятное объяснение тотального недоверия друг другу членов небольшого румынского сельского сообщества. Тем не менее это объяснение не кажется достаточно убедительным. Книга Умбреша – это в первую очередь хорошо сделанная этнография с яркими описаниями сцен повседневной жизни румынской деревни. Текст читается на одном дыхании, а этнографические зарисовки легко запоминаются, что обусловлено как материалом, интересным самим по себе, так и наблюдательностью зоркого антрополога, по-настоящему включенного в местное сообщество – жившего и работавшего в строительной бригаде вместе с информантами. Ввиду разнообразия анализируемых Умбрешем социальных сфер каждый читатель найдет в книге часть, соответствующую его собственным исследовательским интересам и способную дать хороший сопоставительный материал. В этом смысле критикуемая мной эклектичность книги является одновременно и ее достоинством.

Александра Леонидовна Захарова

Список источников

- Жизнь в долг: Моральная экономика долговых практик в жизни сообществ в России / науч. ред. Г.Б. Юдин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.
- Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» М.: НЛО, 2021.
- Туторский А.В. К вопросу об общинности русских крестьян // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Никишенков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. (Труды Исторического факультета МГУ. Вып. 57. Сер. 2. Исторические исследования). С. 270–279.
- Туторский А.В. Элементы общинных традиций в быту колхозной деревни: институт лидерства (по материалам Архангельской области) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 5. С. 74–81.
- Юдин Г.Б. Теоретические основания исследования экономического знания // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 4. С. 13–32.
- Ishchenko V., Zhuravlev O. Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2022. Vol. 12, No. 3. P. 668–676.
- Hardin R. Trust. Cambridge: Polity Press, 2006.

References

- Clément C. (2021) *Patriotism Snizu. «Kak Takoe Vozmozhno, Chtoby Lyudi Zhili Tak Bedno V Bogatoj Strane?»* [Patriotism From Below. “How Is It Possible for People to Live So Poorly in A Rich Country?”]. Moscow: NLO. (In Russian)
- Hardin R. (2006) *Trust*. Cambridge: Polity Press.

- Ishchenko V., Zhuravlev O. (2022) Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, Vol. 12, No. 3, pp. 668–676.
- Tutorsky A.V. (2009) Elementy Obshchinnyyh Tradicij V Bytu Kolhoznoj Derevni: Institut Liderstva (Po Materialam Arhangel'skoj Oblasti) [Elements of Communal Traditions in The Life of a Collective Farm Village: Institute of Leadership (Based on Materials of The Arkhangelsk Region)], *Questions of History and Culture of The Nordic Countries and Territories*, No. 5, pp. 74–81. (In Russian)
- Tutorsky A.V. (2012) K Voprosu Ob Obshchinnosti Russkikh Krest'yan [On the Question of The Communitarity of Russian Peasants]. In: *Etnokul'turnye Processy v Proshlom i Nastoyashchem. K Yubileyu Doktora Istoricheskikh Nauk, Professora Klavdii Ivanovny Kozlovoj* [Ethno-Cultural Processes in The Past and Present. To The Anniversary of The Doctor of Historical Sciences, Professor Claudia Ivanovna Kozlova]. Collection of scientific articles/ Ed. A.A. Nikishenkov. Moscow: MSU Press, (Trudy Istoricheskogo Fakul'teta MGU. Issue 57. Ser. 2. Historical Research). pp. 270–279. (In Russian)
- Yudin G.B. (ed.) (2020) *Zhizn' V Dolg: Moral'naya Ekonomika Dolgovykh Praktik V Zhizni Soobshchestv V Rossii* [Living on Debt: Moral Economy of Debt Practices of Communities in Russia]. Moscow: PSTGU. (In Russian)
- Yudin G.B. (2011) Teoreticheskie Osnovaniya Issledovaniya Ekonomicheskogo Znaniya [Theoretical Foundations of The Study of Economic Knowledge], *Economic Sociology*, Vol. 12, No. 4, pp. 13–32. (In Russian)

Сведения об авторе:

ЗАХАРОВА Александра Леонидовна – студентка аспирантуры «Этнология, антропология и этнография», Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0009-0005-4740-2845. E-mail: azakharova@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Aleksandra L. Zakharova, PhD program «Ethnology, Anthropology and Ethnography», European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0009-0005-4740-2845. E-mail: azakharova@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 13 июля 2023 г.;
принята к публикации 30 ноября 2023 г.*

*The article was submitted 13.07.2023;
accepted for publication 30.11.2023.*